

Беспокойное счастье

«...Чудесная пришла вам мысль — написать о гениальном Образцове. Это человек феноменального вкуса, изумительных творческих сил и, главное, единственный. Во всем мире нет другого Образцова. Он сам изобрел свою профессию, сам создал целую отрасль искусства, и его куклы, по-моему, талантливей многих живых артистов», — писал мне с четверть века назад К. И. Чуковский. И когда, какое-то время спустя, вновь зашел об этом разговор, яростно на меня обрушился: «Где же книга?»

Тщетны были мои оправдания: об Образцове столько написано-переписано, что не захотелось повторяться. Литература, публицистика давно уж стали для него такою же «моей профессией», как и куклы, и недаром, по настоянию друзей, он начал, наконец, оформлять вступление в Союз советских писателей.

— И это вы рассказываете мне лишь сейчас? — вспыхнул Корней Иванович, — не без оттенка ревности добавив: — И кто же, интересно, его рекомендует? — После чего, недолго думая, схватил листок бумаги и стал писать.

«В Союз советских писателей».

Я поставил бы себя в самое смешное положение, если бы вздумал рекомендовать в наш союз такого замечательного писателя, как Сергей Владимирович Образцов. Ни в чьих рекомендациях он не нуждается. Хотя он обладает множеством блестящих дарований (он и кукольник, и живописец, и актер, и режиссер, и музыкант, оратор), ни одно из этих дарований не может затмить его сильного литературного таланта. Далеко не всякий чеховый литератор мог бы написать с таким искусством, с таким глубоким проникновением в дело исследование в тысячелетней культуре китайского театра, с каким Сергей Образцов создал свою монументальную книгу «Театр китайского народа». Другие книги С. В. Образцова — «Моя профессия» и «Что я видел... в Лондоне» — тоже не нуждаются ни в каких похвалах. В данном случае важно одно: это произведение зрелого автора и в них нет ни грама дилетантизма.

Мы, писатели, можем только гордиться, что в наши ряды вступает такой сильный и талантливый мастер слова.

Корней Чуковский

27 ноября 1962 г. Москва.

Когда писались эти строки, еще были впереди и фундаментальная «Эстафета искусств», и новая редакция «Моей профессии», как бы сконцентрировавшие многолетний жизненный и художественный опыт С. Образцова, ставшего за эти годы и народным артистом Союза ССР, и первым среди артистов Героем Социалистического Труда, и прелестные книжечки для детей «Так нельзя, а так можно и нужно» и «Маленькие рассказы о животных» (а на подходе еще одна — «Всю жизнь играю в куклы»). Еще тогда не появились ни открывшие затем новую страницу в биографии не только его, но и всей документальной кинематографии авторские фильмы, киноэпизоды «Удивительное рядом», «Невероятная правда», «Кинокамера обвиняет», «А кому он нужен, этот Вася?». (А сейчас в работе уже новый — «Завтра будет поздно»), ни добрая сотня новых, столь же ярких и темпераментных статей. Еще не состоялись новые, бесчисленные выступления с самых разных трибун, по радио, по телевидению (вплоть до вызвавшего такой широкий отклик недавнего «Вечера в Останкине»)... И в каждом — тот же, сразу узнаваемый образцовский голос, та же ясность и естественность личной интонации, пластичность и искрометность речи. И та же непредвзятость, открытость, раскованность взгляда на все, с чем он сталкивается в жизни и искусстве, неистощимость наблюдений и неожиданных на первый взгляд, но так внутренне оправданных мыслей по поводу.

Свое восьмидесятилетие Сергей Владимирович встречает заново написанной «Моей профессией». Название то же, что и у широко известной, переведенной на многие языки, ставшей настольной для кукольников мира его книги, вышедшей тридцать лет назад. Но то, что составляло прежнюю — рассказ о первоначальном опыте «актера с куклой» на эстраде, — стало теперь

лишь зачином. В центре новой книги — увлекательный и поучительный, наиподробнее анализ полудесятилетия многосторонней новаторской деятельности созданного им театра, своего рода маленькая энциклопедия и любопытнейший практикум искусства играющих кукол. Мировая слава Образцова как «Кукольника № 1», «Чудодея кукол», «Волшебных дел мастера», «Президента страны кукол» (как только его ни титуловали в нашей и зарубежной прессе) заслужена по праву. И все же эта «странная профессия» — отнюдь не единственный этап его собственной эстафеты искусств. И вполне естественно, что кукольная тема то и дело сплетается в книге с другими, и постепенно возникает не менее значительный и интересный разговор о других его профессиях.

Так же как в «Эстафете искусств», касаясь самых щекотливых тем, он и в «Моей профессии» откровенно пишет о нежелании «стыдливо скрывать свое мнение» и уподобляется авторам добрых всяческих мемуаров: лишь тогда книга может быть полезной, «если я по-честному буду говорить о том, что действительно думаю». И в этом один из секретов «эффекта доверия», того взволнованного и заинтересованного отклика, который всегда встречает слово Образцова у многомиллионной аудитории. Многомиллионной — сказано без всякого преувеличения, так как трудно нащупать грань, отделяющую читателей книг и статей от слушателей его транслируемых по всей стране выступлений, по сути дела, и по форме, и по содержанию они ничем не отличаются от написанного. Все едино. Тот же дух и тот же стиль. Говорит, как пишет, и пишет, как говорит.

И еще одно счастливое свойство. Живительное чувство времени определяет не только направление его сегодняшних дел, но и трезвость взгляда на прошлое, острота ощущения исторической перспективы, бесстрашие, с которым он порой «перетарифицирует» то, что когда-то радовало и удовлетворяло его самого, но выпало из тележки времени, пережил себя. Недаром в новой «Моей профессии» целые две главы, в которых он анализирует некоторые из былых находок, так и названы: «Ошибки, ошибки, ошибки», «За ошибки надо расплачиваться». И так во всем.

Еще в дни артистической юности ненависть к пошлости, мечтательству, бескрылому ремесленничеству, прости-туированию подлинного живого чувства, дешевому самолюбанию, подделкам и суррогатам искусства вызвали к жизни его знаменитые «романы с куклами», из зерна которых потом вырос прославленный «Необыкновенный концерт». Их успех был открыл единодушным одобрением таких взыскательных

зрителей, как Станиславский и Немирович-Данченко, Горький и Алексей Толстой, Мейерхольд и Гордон Крэг, Качалов, Михоэлс, Москвин, Таиров. Всех не перечислить! Благодарно вспоминает Образцов своих «экзаменаторов», но особенно запало ему в душу замечание, как бы мельком высказанное Маяковским в тот памятный вечер открытия Театрального клуба, когда Маяковский впервые публично читал «Во весь голос» (там тогда выступал и Образцов):

— Это, конечно, очень хорошо, смешно, но ведь куклы могут делать больше, чем романы...

«Больше, чем романы», высота и серьезность задач, которые могут и должны быть вровень с другими видами искусств возложены «на плечи кукол», — это и определило программу действий театра, организованного Образцовым спустя год после той встречи. Отсюда и непрекращаемость вопросов, которые неукошительно ставит он перед собой и труппой, начиная новую работу. Что? Кому? Зачем?..

И есть известная закономерность в том, что двойной юбилей — собственное 80-летие и 50-летие его театра Образцов встретил спектаклем такой значительной художественной выразительности и идейно-политической направленности, как поставленный им в содружестве с давним соратником — С. Самодуром «Дракон» Евгения Шварца. Написанная в годы войны, эта мудрая и пророческая философско-сатирическая сказка всем острей своим направлением против обыкновенного фашизма и опасностей его рецидивов, с которыми мы вседневно ныне сталкиваемся за рубежом. Менее всего она была рассчитана на актеров кукол, и трудно было ожидать, что возродит ее не «человеческий», а кукольный театр. Но вышло именно так. Смелая инициатива Образцова оправдала себя полностью. Успех спектакля, прозвучавшего свежо и актуально, вновь подтвердил при этом изобразительную силу и масштаб возможностей искусства играющих кукол, подлинного, по убеждению Образцова, при всей специфичности языка, тем же законам и требованиям, что и другие жанры и виды искусства. И одно из первейших условий, не устаю напоминать, — гражданская позиция художника.

Его оружие всегда в бою. И какой бы вид оружия ни применялся — будь то спектакль или фильм, книга, публицистика или живое слово — оно всегда направлено к единой цели, отточенно сердечной заботой о человеке и человечестве, закалено действительной энергией добра.

— Что вы понимаете под счастьем? — задал ему вопрос на недавней встрече с телезрителями в Останкине. Ответ был лаконичен и безоговорочен:

— Ощущение нужности людям.

Это счастье его не оставляет. И в этом беспокойном счастье — неиссякаемый источник его не поддающейся никаким препонам времени неутомимости и превышающей все возрастные нормы ипл. И в самом деле: не хватит газетной полосы, чтобы перечислить и хотя бы вкратце охарактеризовать все, что им наработано, сыграно, поставлено, написано, высказано и затеяно за полвека с лишним активной жизни в искусстве.

«...С лишним», впрочем, неудачно сказано. Образцов и понятие «лишнее» несомненно. За что бы он ни брался, чем бы ни был увлечен — ничто, в конечном счете, лишним не окажется. Все так или иначе принесет отдачу, и все, решительно все — и книги, и спектакли, и кино, и радио, и телевидение, и творческие вечера, и вот уж сколько лет возглавляемая им Международная организация кукольников (УНИМА), и трибуны международных конференций, и Комитет защиты мира, и профессура в ГИТИСе, и спасение беззащитных «Васек» от злой руки, и тревоги за «Красную книгу» живой природы, и рисунки для «Малыша», и закладка нового сказочного сада рядом с чудодейственным его дворцом-театром, и гнев обличения всего, что враждебно живой жизни, и тепло домашних встреч с внуками и праправнуками, и огни Парижа, Нью-Йорка, Дели, Стокгольма, Праги, Берлина, Токио, Рима, Бухареста, и птичий рынок, и новостройки Целинограда и БАМа, и пленительная тишина подмосковного леса, и переписка с сотнями повсеместно возникающих, ранее неведомых друзей-корреспондентов, для которых слово Образцова — голос совести, — все это неразрывно связано и в равной мере ему жизненно необходимо.

— До сих пор не могу понять, что это значит: «заслуженный отдых», — недоумевает Сергей Владимирович. — Почему заслуженный? Перед чем заслуженный. Чтобы отдохнуть и... помереть?..

«Я прожил большую жизнь. Вокруг меня были люди, и они сделали меня таким, каков я сейчас. Но я живу и не собираюсь умирать. Слово «будет» живет во мне по-прежнему. Сейчас у меня впереди и новые спектакли, и новые статьи, и книги, и кинокартины...», — говорит он под конец только что вышедшей «Моей профессии». И мы не сомневаемся: так оно и будет. Будет! Никогда не иначе. На то он Образцов.

Сим. ДРЕЙДЕН.

Народный артист СССР Сергей Образцов.

Фото В. Плотникова.